

Н.Л. Зелянская

Алтайский государственный университет

Культурно-семиотические тенденции русской прозы 1850-х годов

Аннотация: В статье анализируются культурно-семиотические тенденции русской прозы 1850-х годов. В результате анализа построена графосемантическая модель, отражающая сложные отношения между всеми компонентами культурно-семиотической системы прозы 1850-х годов.

Ключевые слова: русская литература, проза, культурно-семиотическое пространство, литература 1850-х годов.

Переходные периоды развития человеческой культуры привлекают пристальное внимание исследователей, специализирующихся в разных областях гуманитарного знания [Кун, 1977; Лотман, 1992; Мукаржовский, 1994; Степин, 2000; Шпенглер, 2004]. Этот интерес обусловлен тем, что неопределенность переходного периода позволяет сосуществовать таким фактам и явлениям, которые в эпохи с выраженной смысловой доминантой могут не только взаимоисключаться, но вообще не сопоставляться ни по одному основанию. Именно в переходное время обнаруживается относительность границ между разными культурными периодами и вообще между сферой культуры и того, что выходит за ее границы, «природой». Изучение изменений культурно-семиотических тенденций в переходные эпохи не только способно вскрыть логику движения культуры от одного состояния к другому, но и позволяет увидеть вероятные альтернативные сценарии развития культурно-семиотической системы, а также определить статус менее важных смысловых ориентиров и их потенциал с точки зрения последующего влияния на эпохальный процесс семиозиса. Иными словами, наблюдение над переходными этапами культуры обнаруживает нелинейность ее развития и сложную преемственность составляющих ее семиотических компонентов и связывающих их тенденций.

В центре внимания нашей работы находится культурно-семиотическое пространство прозаических произведений 1850-х годов как переходная система подобного рода. Десятилетия 40-50-х годов XIX века исследователи традиционно определяют как границу, которая разделяет разные эпохи, разные доминантные смысловые интенции. Интересующие нас 1850-е годы – это время, когда эстетическая парадигма предшествующей поры уже перестала оказывать тотальное влияние и в качестве предмета критики, и как точка отсчета для поиска новых идей, форм и художественных ориентиров. В 50-е годы XIX века, очевидно, эти поиски уже начали воплощаться в конкретных произведениях, поэтому динамический потенциал эпохи связан уже с формированием новых эстетических тенденций, которые конкурируют не только с отживающей системой, но и между собой.

Особое положение 1850-х годов как периода становящегося динамического семиозиса позволяет сделать предположение о том, что изучение актуальных смысловых тенденций в текстах, порожденных интересующим нас временем, по-

зволит создать модель, в которой было бы отражено соотношение и взаимодействие данных тенденций на указанном эпохальном срезе. В нашей работе осуществлена попытка построения такой интегрирующей модели. В основу модели легли результаты полевого анализа заглавий прозаических произведений, написанных и/или напечатанных в 50-е годы XIX века, представленных в виде иерархии с помощью статистических методов.

Выбор заглавий в качестве материала, репрезентирующего семиотические интенции эпохи, не случаен, так как основная функция, выполняемая этим рамочным компонентом любого текста, – «раскрытие самой важной темы» произведения [Выготский, 1998, с. 202]. Отметим также, что заглавие всегда представляет текст во внешнем мире, а значит, репрезентативная выборка заглавий, номинирующих произведения какого-либо периода времени, становится объективным выразителем особенностей этого времени. В данной связи заглавия обладают уже не относительной (как репрезентанты произведения), но стремящейся к абсолютной полноте свободой. Метонимичность заглавия по отношению к целому произведению в рамках развивающегося пространства культуры превращается в метонимичность по отношению к литературно-эстетической тенденции, актуальной для времени создания этого заглавия (ср. мнение С.Д. Кржижановского о неизбежной редукции любой книги до смысла ее заглавия в историко-культурной перспективе [Кржижановский, 1994, с. 13–37]).

Мы останавливаемся только на заглавиях прозаических произведений художественного творчества (романов, повестей, рассказов) и тех прозаических жанров, которые занимают промежуточное место между художественной и нехудожественной прозой (имеются в виду очерки, мемуары): их можно считать периферийными компонентами художественного дискурса. Для анализа мы отобрали все заглавия прозаических произведений 1850-х годов, упомянутые в биобиблиографических словарях «Русские писатели» (составители А.П. Спассибенко и Н.М. Гайденков) [Русские писатели, 1971]; «Русские писатели» (под редакцией П.А. Николаева) [Русские писатели, 1990]; «Большой русский биографический словарь» [<http://www.rulex.ru/brbs1.htm>]. В данных словарях представлены статьи о 152 литераторах разной степени значимости, творческая деятельность которых осуществлялась в интересующую нас эпоху. В итоге в центре нашего внимания оказались 311 заглавий. Таким образом, материал для анализа мы отобрали путем исчерпывающей сплошной выборки из совокупности, составленной авторами словарей по аксиологическому принципу, т.е. так, чтобы творчество каждого писателя было представлено наиболее репрезентативными произведениями. То обстоятельство, что в нашу выборку вошли заглавия наиболее важных для истории литературы произведений, а также то, что сами произведения принадлежали к разным ценностным рядам творческого наследия 50-х годов XIX века, свидетельствует об адекватном отражении проанализированной выборкой генеральной совокупности названий данного периода и о достоверности результатов.

Алгоритм исследования был продиктован логикой разработанного нами (совместно с К.И. Белоусовым) метода графосемантического моделирования. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества (более подробно о методе графосемантического моделирования см.: [Белоусов, Зелянская, 2005]). В нашем случае исследуемое множество образовали семантические поля, построенные нами в процессе обработки результатов компонентного анализа каждого заглавия выборки (о семантических полях см. [Кузнецов, 1986]). Связи между этими полями обусловлены их реальным соединением в семантическом пространстве заглавия.

Значимостью для характеристики культурно-семиотического пространства 1850-х годов обладают не все семантические поля и не все связи, образованные ими. Для дифференциации полей по степени значимости и семантической актив-

ности мы применяем процедуры, разработанные в математической статистике и в теории вероятности (подробнее о статистической обработке данных см. [Гласс, Стэнли, 1976]). Оценка выявленных семантических полей происходила по двум важным критериям – частотности и валентности. Показатель частотности поля свидетельствует о том, как часто это поле встречается в выборке, т.е. насколько предпочтительным в рамках культурно-исторического периода 50-х годов XIX века является комплекс сем, входящих в поле. Валентностью поля мы называем его способность образовывать значимые связи с другими полями. Валентность свидетельствует о семантической активности поля, т.е. о том, как часто компоненты этого поля вступают в ассоциативно-смысловое взаимодействие с компонентами других полей, образуя непрерывность семиотического пространства эпохи. В 50-е годы XIX века семантические связи достаточной силы сформировали 24 семантических поля, статистически значимой частотностью обладают 9 полей (все частотные поля оказались способными образовывать сильные семантические связи с другими полями).

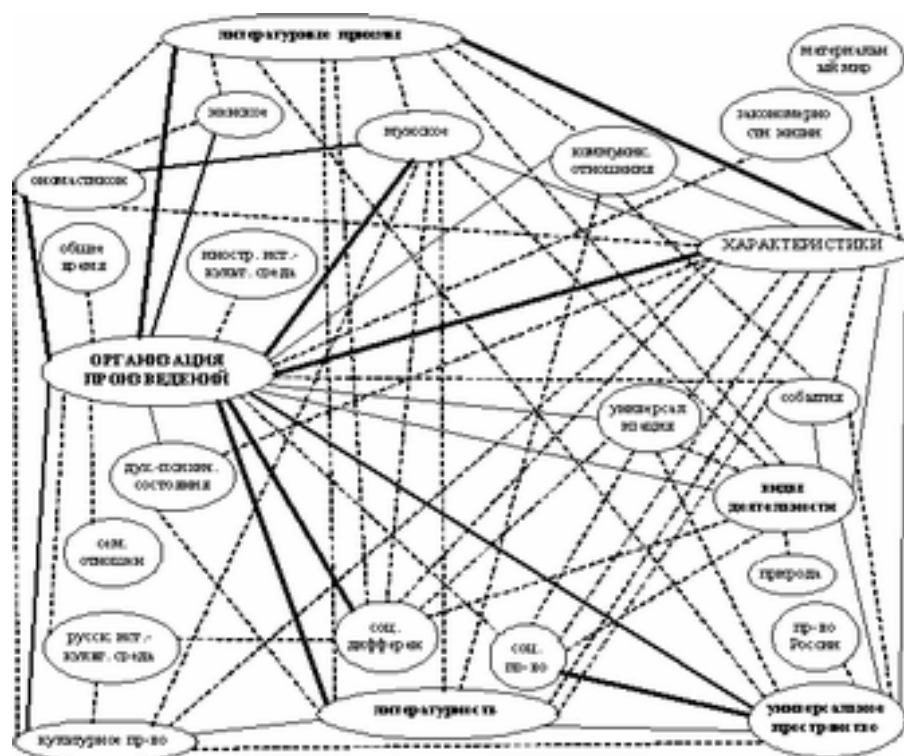

Рисунок 1. Графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов.

Примечание. Прописными буквами жирным шрифтом на рисунке обозначено доминантное поле системы. Прописными буквами – альтернативная доминанта. Жирным шрифтом – наиболее частотные семантические поля. Пунктирными линиями отмечены связи, сила которых превышает статистический порог значимости, равный $\text{среднее} + \sigma$; обычными линиями обозначены связи, сила которых превышает $\text{среднее} + 2\sigma$; полужирными линиями обозначены связи, сила которых пре-

вышает $\text{среднее} + 3\sigma$; жирными линиями обозначены связи, сила которых превышает $\text{среднее} + 4\sigma$ и более.

В целом полученная графосемантическая модель (см. рисунок 1) отражает сложные отношения между всеми компонентами культурно-семиотической системы прозы 1850-х годов. Центром системы 1850-х годов является поле «организация произведений» (первое по частотности и первое по валентности). Содержательное наполнение этого поля составили компоненты, связанные со способами расположения фактов, элементов повествования, персонажей, со спецификой протекания действия, изображения событий, с ракурсами изображения, композиционными рамками, отступлениями и т.п. Несомненное доминирование поля «организация произведений» говорит о том, что в эту эпоху для семиотических интенций любой направленности становится актуальной проблема построения смысловых феноменов. Движение новых смыслов по лестнице эпохальных предпочтений, создающее атмосферу эстетического поиска, прежде всего, оказалось связано со способом организации художественного мира.

Наиболее распространенная группа компонентов данного поля указывает на то, что все повествовательные блоки произведений 1850-х годов чаще всего располагаются вокруг одного образа и подчинены, прежде всего, логике его раскрытия (47 % от всех компонентов, объединенных в этом поле): «Рудин» (И.С. Тургенев, 1855), «Виновата ли она?» (А.Ф. Писемский, 1855). Модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов не только отразила гуманистическую традицию изображения человека в центре художественного мира, актуальную для всех сосуществующих тогда идеологических течений, но и указала, что именно эта традиция начинает многоаспектно переосмысляться, поэтому доминантное поле имеет так много конкурирующих друг с другом связей.

На активизацию процессов переосмысления героцентрической модели, довлеющей в эстетике эпохи, указывает также достаточно сильная позиция компонентов главного поля, связанных с фигурой рассказчика, которая определяет качественные характеристики становящегося художественного мира и с ситуацией наблюдения (16 %). Так, например, в заглавиях «Записки маркера» (Л.Н. Толстой, 1853–1855), «Воспоминания старого театрала» (С.П. Жихарев, 1854) подчеркивается наличие определенной субъективной точки зрения, которая активно формирует художественную реальность. Структурирование художественного мира с помощью фигуры рассказчика, акцентуации его взгляда является вариацией героцентрической традиции, но данный вариант, обретая литературную самостоятельность, смещает фокус внимания с героя на рассказывание, на событие перенесения неких фактов в художественную реальность.

Таким образом, доминирующую позицию в семиотической системе прозы 1850-х годов занимает поле, не ангажированное с позиции проявляющих себя в это время эстетико-идеологических течений, но «организация произведений», одновременно, обнаруживает тот конструктивный принцип, который однозначно начинает использоваться всеми в качестве точки отсчета для литературного экспериментирования.

Наиболее сильные семантические связи ($\text{среднее} + 4\sigma$ – см. рисунок) доминантное поле образует с «характеристиками», «литературностью», «литературными приемами», «социальной дифференциацией», «ономастикомом персонажей» и «мужским началом». Поле «характеристики» занимает в культурно-семиотическом пространстве прозы 1850-х годов настолько активную позицию, что оно практически берет на себя функции альтернативной доминанты. Семы данного поля существенно уточняют отличительные черты «организации произведений» и подчеркивают те тенденции, которые способствуют переосмыслению принципов построения художественного мира. «Характеристики», прежде всего, отражают основную черту времени – максимальную аксиологическую подвиж-

ность: 56 % всех компонентов этого поля не структурируется в тематические блоки, имеющие статистическую значимость. Разнонаправленность характеристик указывает на то, что в контексте эпохи наиболее важным для организации мира художественного произведения оказывается сам акт присваивания характеристик, а не вектор оценивания или градуальность ценностной шкалы.

Однако в 1850-е годы на фоне довлеющего аксиологического экспериментирования обозначаются уже вполне определенные ценностные установки: об этом свидетельствует дифференцированность остальных 44 % семантических компонентов поля «характеристики». Группы некоторых атрибутивно-оценочных суждений начинают оказывать уже направленное, определенное влияние на процесс порождения художественной реальности.

Так, очень большую долю компонентов поля «характеристики» в 1850-е годы начинают занимать негативные оценки (30 % от общего количества сем данного поля). «Негативность» предстает здесь и как некие явленные дурные качества – внешние и внутренние («Фанфарон», А.Ф. Писемский, 1854), и как склонность к деструктивным действиям («Донос», Н.А. Добролюбов, 1857), но самая многочисленная группа негативных характеристик связана с пассивностью и внутренней безликостью оцениваемого субъекта, объекта или события («Поврежденный», А.И. Герцен, 1851), «Письма “пустого человека” в провинцию о петербургской жизни», М.В. Авдеев, 1852–1853).

В рамках поля «характеристики» обнаружили себя еще две не столь сильные, но достаточно отчетливые группы параметров. Прежде всего, это сфера сенсорных переживаний (9 %), актуализирующая аудиальные и визуальные способы восприятия, оценки и чувственного присвоения окружающего мира («Баритон», Н.Д. Хвощинская, 1857); «Затишье», И.С. Тургенев, 1854). Кроме сенсорной, приобретает самостоятельность телесная сфера (5 %). Телесные образы свидетельствуют о начале перераспределения аксиологических акцентов в пользу внешней представленности человека в мире и даже о смене способов описания окружающего мира («Двухаршинный нос», В.И. Даль, 1856; «Мертвое тело», В.И. Даль, 1857 и «Мертвое тело», И.А. Салов, 1858–1859).

В целом, в 1850-е годы аксиологическая рефлексия начала приобретать вполне определенную направленность. В частности, материально-телесная и сенсорная (аудио-визуальная) представленность мира в оценивающем сознании выполняет структурно-семиотическую функцию в пространстве художественного произведения. Но основным признаваемым эпохой «художественным поводом» для оценочного суждения становится значимое отсутствие положительных характеристик деятельности. Разные способы угасания, минус-присутствие в мире, организующие достаточно большую часть оценочных интенций семиотической системы эпохи, конечно, указывают на кризис личности, героя, характерный для исслеуемого десятилетия, но именно подобные черты становятся одним из ведущих принципов поступательного развития художественного пространства произведения и всей системы прозы 1850-х годов.

По нашему мнению, именно на данную конкретизацию оценочных интенций направлены семы поля «материальный мир», в рамках системы полностью подчиненного «характеристикам» (это тупиковый компонент системы, так как с другими семантическими полями у него нет связей). Семы этого поля свидетельствуют не только о пробудившемся всеобщем интересе к миру быта и вещей, но (даже в большей степени) и о распространении способа характеристики персонажа через овеществление, акцентуацию внешнепредметных сторон его бытия, лжебытия или небытия («Великосветский хлыщ», И.И. Панаев, 1854–1857; «Своя рубашка», С.Т. Славутинский, 1859).

Поле «литературность» составили компоненты, указывающие на принадлежность произведения к литературному жанру, вовлеченность в литературный процесс, установку на коммуникативную ситуацию, предполагающую записывание и

последующее чтение. Например, в заглавиях «Записки о Пушкине» (И.И. Пущин, 1858), «Повесть о том, как казак побывал в Бахчисарае» (Г.П. Данилевский, 1852) одновременно определяется жанровая принадлежность называемого произведения и подчеркивается процесс писания или рассказывания. Причем в 1850-е годы часто особый акцент делается на том, что была преодолена граница между действительностью (даже самой обыденной) и литературным миром: «Путевые очерки» (И.А. Гончаров, 1855–1857), «История вчерашнего дня» (Л.Н. Толстой, 1850).

Тесная взаимосвязь «организации произведения» с «литературностью» открывает характерное для рассматриваемого культурно-исторического периода соотношение процесса построения художественного мира и рефлексии над его литературно-словесной природой. Однако высокая частотность в сочетании с умеренной валентностью (второе по частотности и шестое по валентности) свидетельствует о том, что в 1850-е годы большое внимание также уделялось сферам, не соприкасающимся с подобного рода рефлексией, но ставшим актуальными для художественной прозы. Конечно, прежде всего, это связано с эпохальным усилением интереса к реальной жизни, к возможности исследовать ее художественными средствами.

Интересны в этой связи отношения «организации произведений» с полем «литературные приемы», сходным с «литературностью» по принципу ориентации на словесную природу художественной реальности. Данное поле составили разнообразнейшие риторические приемы, стилистические средства. Так, в «Львах в провинции» (И.И. Панаев, 1852) мы видим активное взаимодействие метафоры и оксюморона (львы как представители элиты, но эта элита провинциальна, т.е. не соответствует высоким требованиям), что вызывает комический эффект и обнаруживает пародийную установку. В основе заглавия «Двухаршинный нос» (В.И. Даль, 1856) лежит гипербола, кроме нее очевидно просматривается метонимия (презентация через отдельную часть тела) и персонификация (самостоятельность образа), которые реализуются в аллюзийном пространстве (ближайшее – гоголевский «Нос»); и под. Художественно-языковые приемы активизируются в 1850-е годы именно как фактор, стимулирующий тот или иной вариант соотношения компонентов мира произведения. Причем важную роль в проявлении структурообразующей активности приема играет его прямое влияние на процесс характеристики изображаемых объектов и их связей (корреляция с полем «характеристики» превышает среднее на 4σ).

В подобном качестве «литературные приемы» становятся культурно-семиотической альтернативой «литературности», т.к. компоненты этого поля явились аналогом продуктивной деятельности в литературном пространстве – в отличие от компонентов поля «литературность», «литературные приемы» имеют связь с полем «виды человеческой деятельности», ориентированным на репрезентацию активного контакта человека с действительностью. Но поле «литературные приемы», выступая в качестве альтернативы «литературности», в рамках эпохальной системы не противопоставлено ей. Это поле имеет одинаково слабые связи (среднее + σ) и с «литературностью», и с «видами человеческой деятельности», т.е. по мере развития системы прием одинаково может развиваться как с целью более тонкой передачи закономерностей действительности, так и с целью утверждения принципов литературности. Однако именно активизация семантического потенциала поля «литературные приемы» является одним из ключей развития всей системы прозы 1850-х годов.

Еще три сильные связи центральное поле культурно-семиотической системы 1850-х годов образует с «мужским началом», с «ономастиком персонажей» и с «социальной дифференциацией». Связь этих полей с «организацией произведений» указывает на то, что центральный образ, вокруг которого структурируется художественная действительность, характеризуется через социальную идентификацию, гендерную отнесенность, через семантический потенциал ономастикона.

Поле «мужское начало» предполагает конкретную половую отнесенность и, вместе с тем, гендерные стратегии поведения. Семы этого поля очевидны в таких заглавиях, как «М-г Батманов» (А.Ф. Писемский, 1852), «Братец» (Н.Д. Хвощинская, 1858) и т.п. Принадлежность к мужскому сообществу – традиционная характеристика для героев художественных произведений. Однако в 50-е годы XIX века семы поля «мужское начало» не обладают значимой частотностью, т.е. данная традиция начинает существенно переосмысляться. Достаточно высокая активность этого поля носит уже фоновый характер (актуальность поля все же продолжает сохраняться в силу гендерной принадлежности большинства авторов), но не является, как в предшествующие эпохи, декларацией культуры.

Ономастикон также традиционно продолжает дополнительно характеризовать персонажа, в большей или меньшей степени явно отражая его внутренний мир. Например, уменьшительное «Маша» (М. Вовчок, 1859) подчеркивает простоту и невинность, даже детскость героини, кроме того, актуализирует все библейские коннотации, связанные с именем Мария; «Вукол» (Н.Г. Помяловский, 1859) соединяет простонародность с буколическими мотивами (пастух) и соотносит с деятельностью святого, носившего то же имя; и т.п. Но в целом значимость этого поля в системе невелика – ономастический образ, ориентированный на репрезентацию личного пространства героя, явно уступает свое место социальным характеристикам и связанной с ними типизации.

Повышенная частотность «социальной дифференциации» – дополнительное свидетельство большей заинтересованности системы в социальной идентификации персонажа, нежели в усилении потенциала его личного семиотического пространства. Отметим, что в выборке не было предпочтено какое-либо одно сословие или какой-либо один способ обозначения социального статуса, т.е. обретает важность сам факт социальной идентификации. Так, социальные признаки подчеркиваются в заглавиях «Утро помещика» (Л.Н. Толстой, 1856), «Кружевница» (М.Л. Михайлов, 1952) и т.д.

Следующий блок связей доминантного поля «организация произведений» имеет несколько меньшую силу (среднее + 3σ): это связи с «культурным пространством», «универсальным пространством» и «женским началом». Из них значимостью наибольшей силы обладает поле «универсальное пространство». Компоненты «универсального пространства» предполагают традиционную дифференциацию мира по общепринятым пространственным категориям. Универсальность пространственных характеристик акцентирует внимание на таких масштабных ориентирах в пространстве, как свое / чужое, границы / их отсутствие и т.п. Подобное пространство обладает повышенной семиотичностью и склонностью к символизации. Например, в заглавии «Казачка» (М. Вовчок, 1859) очевидно конкретное территориальное указание на приграничные зоны России, но это пространство в культурно-историческом контексте можно переосмыслить как пространство свободы. Именно «универсальное пространство» играет ведущую роль при построении художественного мира в 1850-е годы, та или иная конкретизация пространственных характеристик осуществляется для ее дальнейшей типизации и универсализации. Так, поле «дифференцированное пространство России», в которое входят названия конкретных населенных пунктов России, в рамках системы является тупиковым.

В большей степени оказывает влияние на систему поле «социализированное пространство», тесно связанное (среднее + 4σ) с «универсальным пространством». («Социализированное пространство» включает виды пространства, организованного в соответствии с ценностями социума: центр / периферия, столица / провинция). Социально маркированное пространство предстает в качестве арены, на которой осуществляется взаимопроникновение личностных и общественных установок, это соотношение открывает большой простор для универсализации. Например, в заглавии «Село Степанчиково и его обитатели» (Ф.М. Достоевский,

1859) одновременно есть указание на дифференциацию пространства и по социальному принципу (провинция, сельская местность), и с позиций онтологических оснований (внутренняя форма лексем «село» и «обитатели» вскрывает проекцию на бытийственный уровень, установки которого тестируются присутствующим в заглавии пародийным модусом). Т.е. система стремится представить любое частное пространство как часть большого универсума, законы которого необходимо постичь (активная семиотизация, создание мифа о пространстве).

Поле «культурное пространство» – еще один важный контекст для организации художественного мира произведения. Оно образовано компонентами, которые создают историческую, культурологическую, межкультурную, эстетическую перспективу, такими, как модус и пафос, аллюзийная отнесенность и т.п. Например, заглавие «Забытая усадьба» (И.А. Салов, 1858–1859) посредством образа усадьбы актуализирует контекст уходящей дворянской культуры, ставшей в 1850-е годы семиотическим аналогом «золотого века», а «Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове» (С.Т. Аксаков, 1856), «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» (П.В. Анненков, 1857) ориентируют на осмысление реального русско-культурно-исторического наследия, необходимого для формирования непрерывного пространства национальной культуры.

Вообще можно сказать, что восприятие культуры как самостоятельной реальности в 1850-е годы претерпевает изменения. Поле «культурное пространство» образует сильные связи только с центральным полем «организация произведения» и с «литературностью» (среднее + 3σ и 2σ соответственно). Сильные связи с «организацией произведения» и «литературностью» закономерны: пространство культуры является широким семиотическим контекстом аналогичной для литературной деятельности природы. Большое количество слабых связей свидетельствует о поиске системой нового места, статуса для данного поля. Из слабых связей особого внимания заслуживает соотнесение «культурного пространства» с полем «русская историко-литературная среда». С точки зрения развития системы прозы 1850-х годов соединение этих полей свидетельствует о процессе интеграции русской культуры в мировую, в связи с чем и начинается процесс переосмысления места общекультурных тенденций в системе русской художественной прозы.

И последнюю связь с «организацией произведений», превышающую среднее на 3σ, образует поле «женское начало». Прежде всего, данное поле существует в системе прозы 50-х годов XIX века как гендерная альтернатива «мужскому началу», имеющая большой структурно-семиотический потенциал (свидетельствует о нем сильная связь «женского начала» с доминантой). Семы данного поля присутствуют и как разного рода (ономастическое, социальное, непосредственно гендерное) указание на женский персонаж: «Софья» (Л.А. Мей, 1856), «Крестьянка» (А.А. Потехин, 1853), «Счастливая женщина» (Е.П. Ростопчина, 1851). Из связей, образованных «женским началом», знаменательна связь (пусть слабая) с продуктивным полем системы «литературные приемы», что указывает на положительную динамику развития семиотического потенциала этого поля: женский модус, включаясь в историко-литературный процесс эпохи, сразу начинает восприниматься как материал для культурно-семиотической рефлексии над событием вербализации бытия – возможно, как специфический способ письма.

Следующая группа полей образует с доминантой связи, превышающие среднее на 2σ. Это – «виды человеческой деятельности», «межличностно-коммуникативные отношения», «универсализация» и «духовно-психические состояния». На уровне системных отношений поле «виды человеческой деятельности» является своеобразной противоположностью «литературности» как репрезентант активности, направленной не на создание виртуальной действительности, а на преобразование реальности. Основные семы этого поля связаны с конкретной деятельностью: «Слобожане» (Г.П. Данилевский, 1853), «Рыбаки» (Д.В. Григорович, 1853). Но присутствуют также смысловые компоненты, указы-

вающие на поступок, обуславливающий изменение некоей ситуации в мире или в жизни человека: «Правое дело» (С.Т. Славутинский, 1859–1860), «Необдуманный шаг» (А.Я. Панаева, 1850).

В подобном преломлении активная человеческая деятельность становится одним из принципов организации художественного мира (связь с доминантным полем), критерием оценки персонажа или ситуации (с «характеристиками»), но, по нашему мнению, основная тенденция, которую вносит это поле в систему – это акцентуация активности как конструктивного принципа. Поэтому в рамках системы прозы 1850-х годов именно «виды человеческой деятельности» образуют среднесильную связь с семами поля «события», так как в событии осуществляется воплощение внутренней активности в поступок.

Однозначная конструктивность деятельностной активности подчеркивается системной соотнесенностью поля «виды человеческой деятельности» с семантическим блоком «природа». Подобная корреляция свидетельствует о появлении устойчивого представления о том, что областью органичного взаимодействия человека и природных сил является инициативная активность мира людей (труд, исследование природы и даже экспансия в природу): «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» (А.А. Потехин, 1857), «Рубка леса» (Л.Н. Толстой, 1855).

Естественная сфера проявления активной человеческой деятельности – это сфера социума, что и отразилось в системе через связи «видов человеческой деятельности» с «социальной дифференциацией» и с «социализированным пространством». Но понятие активности расширяется под воздействием всех тенденций семиотической системы художественной прозы данной эпохи. «Виды человеческой деятельности» коррелируют с «литературными приемами», что позволяет провести параллель между реальной деятельностью и активностью языкового приема; с «мужским началом», что обнаруживает вполне традиционную гендерную установку – мужское начало активно, женское – пассивно. Связано это поле с «универсальным пространством» (среднее + 2σ) и с «универсализацией», что соотносит активную человеческую деятельность со всеобщими процессами мироустройства, с упорядочением пространства космического масштаба.

С указанных позиций становится понятной достаточно сильная связь (среднее + 2σ) поля «универсализация» с доминантой. Поле «универсализация» составили семы, указывающие на обобщенность большого количества предметов, явлений, личностей и т.п., на их повторяемость, типичность: «Донос» (Н.А. Добролюбов, 1857) (перенесение конкретного факта в качестве репрезентанта на ряд подобных); «Скрипач» (М.Л. Михайлов, 1853); «Игрушечка» (М. Вовчок, 1859) (типизация по социально-функциональному принципу). Типичные характеристики, поступки, социальные типы в 1850-е годы стали важной составляющей художественного мира, и в этом качестве семы поля «универсализация» начали способствовать развитию культурно-семиотических тенденций эпохи.

Еще одно поле, связанное с доминантной среднесильной связью, – «межличностно-коммуникативные отношения», оно объединяет установку на социальность с репрезентацией личностных интенций. Компоненты поля «межличностно-коммуникативные отношения» предполагают акцентирование на целостной коммуникативной ситуации. Но самая распространенная коммуникативная ситуация в 1850-е годы – это ситуация декоммуникации, непонимания, одиночества, отвергнутости миром или отвержения его ценностей (51 % от общего количества компонентов поля): «Дневник лишнего человека» (И.С. Тургенев, 1850), «Изгоев» (М.Л. Михайлов, 1855). Корреляции с «организацией произведений» и «характеристиками» подчеркивают уже отмеченную тенденцию, выдвигающую многоаспектную пассивность героя в качестве продуктивной для начала структурирования художественной реальности. Констатация по преимуществу отрицательной установки на другого в 1850-е годы начинает обуславливать и ситуацию литера-

турного творчества, запечатленную в произведении, – именно антидиалогичность негероического персонажа дает основания для рефлексии над природой литературности (поле «литературность»). Данная эпохальная коммуникативная установка приобретает качества, необходимые для формирования события («события»), прежде всего, коммуникативного, и обладает возможностью активизировать языковой материал («литературные приемы»), используемый для создания этого события.

Интересно также появление в системе прозы 1850-х годов поля «духовно-психические состояния». Распространение сем этого поля свидетельствует о возросшем интересе к художественному изучению внутреннего мира человека – детерминация поступков посредством изображения состояния души персонажа, экспликации тонких переходов этих состояний, тайных мотивов и т.п., видимо, в 1850-е годы приобретает системный характер. Семы, составившие это поле, указывают на свойства и состояния человеческой психики, на процессы, происходящие в человеческой душе, и механизмы, обуславливающие эти процессы. Так, заглавие «Дневник лишнего человека» (И.С. Тургенев, 1850) предполагает фиксацию самонаблюдений над переживаниями, событиями внешней и внутренней жизни и анализ их. Сложные процессы душевной жизни – воспоминания, сны – под тем или иным углом отражаются в заглавиях «Воспоминания старого театрала» (С.П. Жихарев, 1854), «Дядюшкин сон» (Ф.М. Достоевский, 1859). «Духовно-психические состояния» органично встраиваются в произведение как элементы его структуры, и одновременно компоненты этого поля постепенно становятся обязательной частью характеристики персонажа (скрытые мотивы, установки определяют психологизм литературы второй половины XIX века), а также и ситуации литературного творчества (связь с «литературностью»).

Периферийные поля системы (т.е. те, которые с доминантой связаны слабой связью, среднее + σ) обеспечивают преемственность между разными состояниями семиотической системы прозы, так как они, очевидно, утратили / еще не приобрели собственный семиотический вес. К таким полям в 1850-е годы, из уже обсуждавшихся здесь ранее, относятся «события», «русская историко-литературная среда», «социализированное пространство». Кроме данных семантических блоков, в эту группу входит поле «общие закономерности жизни». Это поле образуют компоненты, связанные с обобщенными фазами жизни как универсального процесса развития и угасания всего сущего. Так, заглавие «Неудавшаяся жизнь» (Д.В. Григорович, 1850) предполагает оценку конкретной, отдельно взятой жизни, но, представ как целое, понятие жизни не только типизируется, но и становится потенциально соотносимым с неким абсолютным ее пониманием. Интересно, что выход на общие законы бытия осуществляется не через типизацию (нет связи с «универсализацией»), а через осмысление структуры произведения в целом, т.е. через увеличение онтологического масштаба рассмотрения.

Тупиковые компоненты системы имеют всего одну, в нашем исследовании слабую, связь с каким-либо другим, более активным полем. В рамках семиотического целого они свидетельствуют о потенциале поля, с которым образуются эти тупиковые связи (т.е. какой-то небезразличный для системы смысловой нюанс свойствен пока только этому полю), и указывают на границы системы, на факторы, разрушающие эволюционную непрерывность ее стадийных переходов. Т.е. смысл, выражаемый полем с тупиковой связью, либо приобретается системой из качественно иного семиотического пространства, либо сигнализирует о собственном угасании и скором исчезновении или кардинальном перерождении.

Такие смыслы репрезентированы полями «иностранный историко-культурный контекст», «общее указание на время» и «семейные отношения». Статус поля «иностранный историко-культурный контекст» подтверждает замеченную нами тенденцию к нейтрализации противопоставления российской и иностранной культур – основания такого противопоставления, очевидно, исчерпали себя в эту эпоху, новые

же еще не актуализировались. Поле «семейные отношения» отражает изменяющиеся в обществе взгляды на семейные ценности, именно этот тип человеческих отношений требует кардинального переосмысления и, соответственно, передислокации в рамках семиотического пространства эпохи. Слабость же поля «общее указание на время» свидетельствует о практически полной десемиотизации категории времени. Дифференциация («социализированное пространство») и символизация («универсальное пространство») пространства при второстепенности времени демонстрирует национальную специфику мировидения, закрепившуюся в 1850-е годы в художественной прозе.

Таким образом, система прозаических произведений 1850-х годов практически полностью обусловлена семами центрального поля. Разнообразные векторы семиозиса, активизировавшиеся в данную эпоху, прежде всего, предстают как репрезентанты разных способов упорядочивания художественного мира, а само культурно-семиотическое пространство прозы периода 50-х годов XIX века – как сфера конкурирования нарративных стратегий. Если предельно обобщить семантические нюансы, можно отметить, что в это время сосуществуют два генеральные смысловые направления, активно влияющие на формирование концептуального уровня прозаических произведений – социальное и эстетическое (они, видимо, и обусловили ожесточенные споры между сторонниками «реального» и «чистого» искусства). Наибольшим динамизмом, придающим подвижность и семантическую сложность системе, отличается противостояние между сильными полями, которые задают определенные векторы развития системы и даже, возможно, обладают потенциалом для того, чтобы стать альтернативными доминантами. Само наличие противостояния данных полей семиотически значимо: оно рождает смысловое напряжение, отражающее основные культурно-исторические проблемы, конфликты, на разрешение которых направлены все эпохальные усилия.

Поле «характеристики» в рассмотренную эпоху уже начинает конкурировать с «организацией произведений» – ядерным блоком системы. Таким образом обнаруживается имплицитно конфликтное напряжение между процессами нарративного упорядочивания художественного пространства и оценивания художественного мира и его элементов. Но в период 1850-х годов аксиологическая тенденциозность не имеет достаточного потенциала для того, чтобы переориентировать всю систему в сторону тотальной зависимости от авторских ценностных установок, так как сами эти установки еще крайне разнонаправлены и многие из них не разрушают, а усиливают влияние поля «организация произведений». Другие сильные поля полностью находятся в сфере влияния доминанты и конкурируют друг с другом.

Усиление степени влияния рефлексии над процессом литературного творчества («литературность»), активности художественного приема («литературные приемы»), пространственной символики («универсальное пространство») или акцентуация важности активной деятельности человека в реальном мире («виды человеческой деятельности») повлекут за собой изменение общеэстетического вектора в сторону психологичности и аутичности или литературного экспериментаторства, или символичности, или натуралистичности и социальности – соответственно. При этом художественный арсенал, с помощью которого реализуются остальные тенденции, начнет подчиняться смысловой логике усилившегося поля. Но в 1850-е годы семантический потенциал указанных полей находится в целом на одном и том же уровне. И, действительно, тенденции, связанные со всеми этими полями, так или иначе отразились в творчестве авторов второй половины XIX века – именно поэтому русский реализм породил столь не похожих друг на друга по художественным установкам писателей.

Литература

- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста // Художественный текст: варианты интерпретации: В 2 ч. Бийск, 2005. Вып. 10. Ч. 2.
- Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д., 1998.
- Глас Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.
- Кржижановский С.Д. «Страны, которых нет»: Статьи о литературе и театре. М., 1994.
- Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
- Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
- Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. М., 1990.
- Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1971.
- Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 2004.